

въ окружности, а цитадель города, самая обширная въ Средней Азіи. „Ригистанъ“, или главная площадь Самарканда, безъ сомнѣнія, тоже одна изъ лучшихъ средне-азіатскихъ площадей. Если смотрѣть съ нея на югъ, то можно увидѣть предъ собою три зданія очень легкой архитектуры и сходныхъ между собою по характеру постройки. Фасады ихъ покрыты эмальированными кирпичами превосходнаго рисунка. Хотя они и приходятъ въ разрушеніе, но все же доказываютъ великолѣпные искусства прошлаго времени. Дѣйствительно, на одномъ изъ этихъ зданій есть надпись въ стихахъ въ честь строителя, гласящая: „что луна, увидѣвши эти блестящія, великолѣпныя зданія, отъ удивленія положила себѣ палецъ на губы“. Всѣ эти три медресе или училища заняты магометанскими студентами. Въ Самаркандѣ находятся 58 училищъ и мечетей, и свои доходы, простирающіеся ежегодно до 2,000 ф. ст., они получаютъ съ земель, лавокъ, складовъ, базаровъ и мельницъ. Самаркандъ богатъ также часовнями мусульманскихъ святыхъ, которыхъ насчитываютъ около 200.

КИРГИЗСКОЕ ОБЪДНЕНІЕ.

I.

Съ начала весны прошлаго года на павлодарскомъ базарѣ, особенно у хлѣбныхъ торговцевъ, появилась масса мелкаго серебра; монетки были потертыя, съ дырочками, какъ будто снятыя съ шапочекъ киргизскихъ дѣтей и дѣвицъ. Одновременно съ появленіемъ этихъ монетокъ на хлѣбномъ базарѣ, по распоряженію г. семипалатинскаго губернатора, изъ Павлодара экстренно было отправлено въ степь 6,000 пудовъ ржаной муки, а затѣмъ Богъ послалъ и тепло... Впрочемъ, нельзя не добавить, что въ числѣ кибиточной подати за нынѣшній годъ тоже поступило на значительную сумму такого же серебра. Наводненіе мѣстнаго базара мелкимъ серебромъ, безъ сомнѣнія, нужно объяснить тѣмъ, что киргизамъ для покупки хлѣба пришлось обратиться къ такимъ ресурсамъ, какъ продажа дѣтскихъ и женскихъ украшеній. Явленіе, заслуживающее вниманія! Оно не особенно страшно, если проистекаетъ изъ причинъ случайныхъ: рядъ тяжелыхъ зимъ, нѣсколько падежей—киргизъ обѣднѣетъ, а затѣмъ могутъ послѣдовать хорошія зимы и благополучіе на скотѣ—киргизъ поправится. Но дѣло принимаетъ другой видъ, если это явленіе проистекаетъ изъ причинъ общихъ, сдѣлавшихся хроническими, и неотразимыхъ, въ силу слагающихся новыхъ условій экономической жизни края. Для того, чтобы вывести болѣе или менѣе правильное заключеніе объ измѣненіи условій жизни въ краѣ, достаточно обратить вниманіе на быстро увеличивающееся требованіе въ киргизскомъ населеніи на хлѣбъ. Не говоря объ отдаленныхъ временахъ,

достаточно прослѣдить хлѣбную торговлю за послѣднія 10—15 лѣтъ. Въ Павлодарѣ, центрѣ степи, которую я имѣю въ виду, очень недавно существовало два-три мелкихъ торговца, перепускавшихъ чрезъ свои руки десятки тысячъ пудовъ; теперь же организованъ цѣлый хлѣбный базаръ съ миллионнымъ оборотомъ. Изъ степи каждую осень приходятъ за мукою цѣлые караваны. Въ прошломъ году закупка хлѣба киргизами не была сдѣлана въ нужной пропорціи, надо полагать, вслѣдствіе неимѣнія денегъ, такъ какъ крупные скототорговцы не получили изъ Оренбурга платежей, а потому и не могли задать бѣднотѣ впередъ подъ скотъ денегъ, какъ это вообще дѣлается, въ результатъ чего и потребовалась помощь изъ продовольственнаго капитала. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что явленіе было случайное: обходились же прежде киргизы безъ хлѣба, слѣдовательно, нужно было бы ожидать, что, не купивъ нужнаго количества хлѣба, они обратятся къ своей традиціонной любимой пищѣ—мясу. Къ такому заключенію еще болѣе склоняетъ приведенная мною причина недостатка хлѣба въ прошлую зиму: киргизы ожидали отъ крупныхъ скототорговцевъ задатковъ подъ скотъ, который они должны были сдать нынѣшнею весною и лѣтомъ, почему можно бы предполагать, что скотъ имѣли. Отчего же они не обратились къ этому источнику? Предположить, что киргизы захотѣли воспользоваться даровою помощью,—нельзя, потому что они и не просили этой помощи, а сама администрація убѣдилась въ необходимости таковой, въ предотвращеніе несчастныхъ случаевъ, связанныхъ съ голодовками. Ясно,—у киргизовъ нѣтъ того количества скота, какое необходимо для пропитанія существующаго населенія. Требованія же скотскаго рынка пополняются не отъ избытка, а уже изъ необходимаго для собственнаго существованія количества скота. Какъ это произошло, мы объяснимъ въ своемъ мѣстѣ *); теперь же я хотѣлъ только высказать свое мнѣніе о томъ, что неимѣніе хлѣба въ нынѣшнемъ году и фактъ появленія на хлѣбномъ базарѣ большаго количества мелкаго серебра произошли не изъ случайныхъ причинъ, а есть явленіе, вытекающее изъ условій экономической жизни края, измѣняющейся подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ факторовъ, сильное изслѣдованіе каковыхъ и будетъ моею задачею.

II.

Главное богатство здѣшняго края и единственный источникъ существованія населенія — скотоводство. Какъ велико это богатство въ настоящее время и каково оно было назадъ тому пятнадцать-двадцать лѣтъ, опредѣлить въ цифрахъ, хотя бы приблизительно, нѣтъ никакой возможности, по неимѣнію основательныхъ данныхъ. О современномъ положеніи

*) Отчасти это явление разъяснено въ моемъ очеркѣ («Сибирская Газета» 1881 г., № 41).

скотоводства въ уѣздѣ официальные свѣдѣнія выражаются такъ: „Свѣдѣнія о количествѣ киргизскаго скота собираются 1 разъ въ три года, при пересчетѣ кибитокъ, и основываются на показаніяхъ киргизовъ безъ всякой повѣрки. Такъ какъ до 1869 года въ степи сибирскаго вѣдомства подать собиралась со скота, то киргизамъ было выгодно показывать какъ можно менѣе головъ. Привычка эта удержалась и по настоящее время, тѣмъ болѣе, что кочевники еще не увѣрены въ безповоротной отмычѣ ясака. Показывая меньшія цифры для своего скота, киргизъ охотно даетъ вѣрныя показанія о скотѣ своихъ сосѣдей, почему не трудно узнать, на сколько въ отдѣльныхъ случаяхъ официальные цифры разнятся съ действительными. Сопоставляя всѣ имѣющіяся данныя о такой разницѣ, приходится принять, что для полученія болѣе близкихъ къ истинѣ цифръ скота у киргизовъ слѣдуетъ официальные цифры помножить на 3 для Каркаралинскаго уѣзда и Зайсанскаго приставства и на 2 для прочихъ уѣздовъ“ (Обзоръ Семипалатинской области за 1881 годъ). На основаніи этихъ соображеній и составлена таблица о количествѣ скота у киргизовъ. Изъ таблицы этой (полученной при помноженіи официальныхъ чиселъ на 2) видно, что въ Павлодарскомъ уѣздѣ на 21,200 семействъ оказалось скота: лошадей 171,000, рогатаго скота — 137,000, барановъ 530,000 и верблюдовъ 12,600, т.-е. на каждую кибитку 15 головъ крупнаго и 25 мелкаго. Необходимое же количество скота для прокормленія одной семьи кочевниковъ опредѣлено въ томъ же обзорѣ: 11 головъ крупнаго и 10 мелкаго. Я не знаю, по какимъ даннымъ эти цифры приняты за критеріи благосостоянія кочевника, но позволю себѣ сомнѣваться въ достоинствѣ этого критерія, по слѣдующимъ соображеніямъ:—по 1309 ст. X т. II ч. издан. 1857 г., считаются неприкосновенными и не подлежатъ описи при гражданскихъ взысканіяхъ у кочевниковъ: 12 лошадей и 16 головъ рогатаго скота; 25 головъ овецъ и барановъ и двѣ пары верблюдовъ. Законъ этотъ имѣлъ въ виду огражденіе кочевника отъ раззоренія, и цифры, приведенныя въ немъ, нужно считать, какъ минимумъ благосостоянія кочевника. Какими соображеніями руководились законодатель и администрація при опредѣленіи количества скота, необходимаго для кочевника, не видно, но, безъ сомнѣнія, законодательное опредѣленіе можно считать болѣе близкимъ къ истинѣ, что не трудно доказать расчетомъ. Киргизской семьѣ, питающейся исключительно однимъ мясомъ, безъ примѣси въ какомъ-бы то ни было видѣ растительной пищи, нужно ежедневно сварить около 15 ф. мяса; значитъ, въ теченіе 6 зимнихъ мѣсяцевъ, ей нужно 2,700 фунтовъ, или около 5 штукъ крупнаго скота. Такого количества киргизъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ отдѣлать

осенью подъ убой изъ цифры, опредѣляемой администраціей: чтобы выйти на весну полнымъ хозяиномъ, ему необходимы—3 коровы и десять барановъ для молока, 3 кобылы для кумыса, двѣ лошади для ѣзды и жеребецъ; это скотъ необходимый, чтобы существовать; но при немъ же еще долженъ быть резервъ, въ видѣ молодыхъ телокъ, бычковъ, жеребятъ,—кандидатовъ къ старѣющимъ и приготавливаемымъ на убой; потомъ киргизъ долженъ же имѣть въ виду и непроезжистельную убыль (волковъ); если же онъ изъ 11 головъ крупнаго и 10 мелкаго зарѣжетъ осенью 4 крупнаго и 6 мелкаго, то у него останется 7 головъ крупнаго и 5 мелкаго, считая въ томъ числѣ и молодой скотъ. Кибитку, обладающую такимъ количествомъ скота, можно смѣло считать кандидатомъ въ джетаки въ очень ближайшемъ будущемъ: она протянетъ двѣ-три зимы и разорится. По моему же мнѣнію, основанному на личномъ наблюденіи надъ киргизскою жизнію, кибитка, состоящая изъ 5 душъ, должна обладать, чтобы считаться не бѣдною, приблизительно 10 лошадьми, 10 шт. рогатаго скота и 20 баранами. Конечно, она можетъ существовать и при меньшемъ количествѣ скота, но это существованіе будетъ уже съ недостатками, и ея дальнѣйшее паденіе будетъ только вопросомъ времени и обстоятельствъ. А потому я считаю, что для безбѣднаго существованія теперешняго киргизскаго населенія Павлодарскаго уѣзда по числу 21,200 кибитокъ нужно: 424,000 головъ крупнаго скота и столько же барановъ, а такъ какъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1881 годъ, полученнымъ чрезъ помноженіе оффиціальныхъ чиселъ на 2, оказалось въ уѣздѣ 320,000 крупнаго и 530 мелкаго скота, то, принявъ одну крупную штуку за 5 барановъ, получимъ минусъ относительно принятаго мною критерія—82,200 головъ крупнаго скота, т.-е. переходимъ уже отъ богатства къ бѣдности, по крайней мѣрѣ, къ недостатку. Но эти цифры, если бы мы ихъ приняли и за близкія къ истинѣ, не могутъ служить намъ основаніемъ для вывода о степени бѣдности населенія. Мы видимъ, что въ уѣздѣ есть столько-то скота, но не знаемъ, какъ онъ распределенъ между хозяевами; какая часть изъ этого количества находится въ рукахъ небольшого меньшинства—султановъ, родоначальниковъ и торгашей, и какая, затѣмъ, — въ рукахъ остальной массы. Если современная статистика не можетъ дать болѣе или менѣе удовлетворительнаго отвѣта на интересующій насъ вопросъ, то искать истины въ оффиціаль-ныхъ источникахъ 50-хъ годовъ будетъ бесполезнымъ трудомъ, особенно, если принять во вниманіе, что при собираніи ясака какъ киргизы скрывали дѣйствительное количество скота такъ и собиратели ясака не клали охулки на руку въ отчетахъ предъ начальствомъ, почему, оставивъ въ сторонѣ погоню за отысканіемъ истины посредствомъ собиранія цифровыхъ данныхъ, перейдемъ въ слѣдующій разъ къ области фактовъ и выводовъ.

КИРГИЗСКОЕ ОБЪДНЕНИЕ.

(Продолженіе).

(Въ очень недавнемъ прошломъ киргизы не знали другой пищи, кромѣ мяса и молока. Еще въ 60-хъ годахъ хлѣбнаго рынка въ Павлодарѣ не существовало. Не смотря на то, что цѣна на муку стояла около 15—20 коп. за пудъ, на нее требованіе было незначительное. Торговали одинъ или два казака, пропуская чрезъ руки десятковъ-другой тысячъ пудовъ. Хлѣбная торговля начинаетъ развиваться съ начала 70-хъ годовъ и быстро увеличивается, усиливая ежегодно отпускъ въ степь. Теперь отпускъ достигаетъ до 500,000 пуд. Если бы была возможность собрать вѣрныя цифры ежегоднаго отпуска хлѣба за послѣднія десять лѣтъ, то оказалось бы, что цифры эти постепенно увеличивались, по мѣрѣ объединенія киргизовъ. Послѣдніе три года особенно были несчастливы для киргизовъ, и въ это же время особенно быстро сталъ увеличиваться отпускъ хлѣба въ степь. Въ нынѣшнемъ году, кромѣ гужеваго привоза изъ волостей Томской губерніи, масса хлѣба приплавлена изъ Устькаменогорска и Семипалатинска; однако же, не смотря на довольно сильный подвозъ, запасовъ хлѣба у торговцевъ нѣтъ. Хлѣбъ идетъ быстро въ продажу. Прежде киргизы лѣтомъ не покупали хлѣба, нынче покупаютъ. Явленіе это объясняется именно недостаткомъ скота по количеству населенія. Такой взглядъ подтверждается и показаніями старожиловъ казаковъ и киргизовъ. При моихъ разспросахъ о прежнемъ богатствѣ, я всегда получалъ одинъ отвѣтъ, что теперь въ степи нѣтъ десятой доли того количества скота, какое было лѣтъ двадцать назадъ. Эти показанія нельзя считать особенно утрированными. Нѣкоторые казаки, занимаясь въ былое время торговлею, очень хорошо знали ближнія волости и, въ подтвержденіе своихъ словъ, часто поименно высчитывали богачей-киргизовъ, имѣющихъ въ настоящее время какіе нибудь десятки скотинъ. Я прежде предполагалъ, что бывшія богатства могли раздробиться вслѣдствіе дѣлежей, или новыхъ условій жизни, однако, и это мое предположеніе не оправдалось. Оказалось, что въ настоящее время есть волости, въ которыхъ до половины общаго числа кибитокъ почти не имѣютъ скота, а многія совершенно оставили волость, обратившись въ джатаковъ, тогда какъ прежде кибитки, не имѣющія скота, считались по пальцамъ. Въ нынѣшнемъ году изъ волостей, расположенныхъ около Баянъ-аула, пришла въ долину Иртыша масса киргизовъ, потерявшихъ въ минувшую зиму послѣдній скотъ. На требованіе уѣзднаго судьи о высылкѣ въ Павлодаръ людей прошлаго весною, 5 управителей донесли, что требуемые киргизы не могутъ явиться по неимѣнію лошадей. Мнѣ рассказывалъ казакъ, что онъ встрѣтилъ семейство киргизовъ, своихъ знакомыхъ, прежде довольно самостоятельное, состоящее изъ

трехъ взрослыхъ мужчинъ и нѣсколькихъ женщинъ и дѣтей; они пришли изъ Баянъ-аула и все свое имущество привезли на одной коровѣ. И такія картины перѣдки. Прежде нищихъ изъ киргизовъ нельзя было отыскать, а теперь ихъ очень много въ Павлодарѣ.

— Помилуйте, прежде, бывало, выѣдешь въ степь, такъ просто степь ломится отъ скота; въ аулъ пріѣдешь, — дѣвки увѣшаны серебромъ, а теперь прямо — нищіе; нынче послѣдніе гривенники дерутъ съ бабъ, да несутъ на хлѣбъ, — заключилъ одинъ знатокъ степи разговоръ со мною о житьѣ-бытьѣ киргизовъ.

Положимъ, всѣ эти мои свѣдѣнія основаны на личномъ наблюденіи и разспросахъ стариковъ, при полномъ отсутствіи какой нибудь системы, а тѣмъ болѣе цифровыхъ данныхъ. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторые факты, прямо бьющіе въ глаза каждому, могутъ служить до нѣкоторой степени подтвержденіемъ основательности моихъ выводовъ, относительно современнаго экономическаго положенія степи. По моему мнѣнію, степь (я говорю о Павлодарскомъ уѣздѣ) находится въ положеніи, близкомъ къ критическому, и, что еще грустнѣе, нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы предвидѣть болѣе радужное ближайшее будущее. Для этого достаточно обратиться къ причинамъ постепеннаго, но постояннаго паденія благосостоянія кочевника за послѣдніе десятиокъ-другой лѣтъ.

Видимая, такъ сказать, осязательная причина обѣдненія степи — чума. До 60-хъ годовъ эта болѣзнь почти не была извѣстна въ степи. Появившись въ 60-хъ годахъ, она съ того времени пріобрѣла права гражданственности, и въ настоящее время проживаетъ уже какъ вполне осѣдлая обывательница. Населеніе къ ней такъ привыкло, что и разсчитываетъ впередъ только на четвертаго теленка, а трехъ обрекаетъ непрошеной гостьѣ. На помощь къ этой ненасытной гостьѣ начинаютъ появляться то джутъ, то безкормица. Обезлѣсивъ долину Иртыша, русскіе лишили степь дождей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошихъ травъ, необходимыхъ для скота кочевника въ теченіе зимы. Съ года на годъ начинаютъ валиться табуны лошадей; степь весною является покрытою трупами и костями животныхъ. Пароходы грузятъ сотни тысячъ кожъ животныхъ, павшихъ отъ мапика или голодовки; торговцы радуются, наживаются тысячи; киргизы, продавъ шкуры, покупаютъ муку и мануфактуру; торговля развивается, — и все это на счетъ убывающихъ табуновъ. Такимъ образомъ, видимое оживленіе торговли и развитіе городской жизни происходили на счетъ обѣдненія степи. Это было незамѣтно (да и теперь еще немногіе замѣчаютъ) до тѣхъ поръ, пока половина киргизовъ не осталась безъ скота и не понесла на базаръ серебра, запасеннаго дѣдами.

Рядомъ съ чумою, джутомъ и періодическими безкорми-

цами, этими видимыми врагами кочевника, двигался другой невидимый, но тѣмъ не менѣе сильный врагъ—капиталъ. Появленіе этого врага нужно отнести къ очень недавнему времени. Казакъ и киргизъ уживались очень недурно. Казаку некогда было заняться основательно киргизомъ, да и неспособенъ онъ былъ къ этому; возьметъ, сколько ему нужно, да и поживаетъ. Киргизы, вспоминая времена Карбышева обыкновенно говорятъ: „строгій былъ генералъ, а тогда всѣмъ жилось хорошо“. Казаки не могли правильно эксплуатировать киргиза: кромѣ отсутствія нужной для этого подготовки, они сильно были заняты своимъ дѣломъ, а если иногда казакъ и обижалъ киргиза, то при обилии скота и малочисленности казаковъ для киргизовъ это и замѣтно не было.

Но вотъ является на сцену съ своимъ коробкомъ елабужскій офеня. Тотъ сразу уразумѣлъ суть. У кочевника нѣтъ денегъ, а съ бабы и дѣвки онъ упрямо не снимаетъ старыхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Офеня начинаетъ торгъ „себѣ въ убытокъ“. Кусокъ красной кожи, аршинъ яркаго ситца бойко идутъ на сбѣнъ на быка, коня, барана. И пошли гурты скота въ Красноярскъ, Иркутскъ, Казань, Оренбургъ. Быстро появляются богатые торговые дома: Маслениковы, Сорокины, Кириловы, и имъ же нѣсть числа. Одни въ безумной погонѣ за наживой раззоряются, другіе выростають на ихъ мѣстѣ. Появляются въ городахъ каменные дома, громадныя магазины, создаются громадныя капиталы; шибко идетъ московская мануфактура; киргиза завалили ситцами, бязью, чайниками, самоварами, а скотъ все идетъ, идетъ и идетъ. Идетъ онъ по дальнимъ дорогамъ живымъ, идетъ въ видѣ кожи, сала, шерсти, а вмѣстѣ съ тѣмъ чума, разъ появившись, быстро, вмѣстѣ съ кожами, разливается по степи и валить, валить тотъ скотъ, который не успѣваетъ забирать офеня.

Но тутъ на сцену появляется еще новая личность. Киргизскіе султаны и родоначальники скоро догадались, что и они могутъ обирать своихъ соотчичей, не хуже владимірскаго офени. Они предложили свои услуги тому же офенѣ. — Тебѣ трудно собирать долги съ киргизовъ, да ты каждаго и не знаешь, а ты дай мнѣ товару въ кредитъ, а я самъ уже буду съ тобою разсчитываться.

Сдѣлка оказалась выгодною для обѣихъ сторонъ. Офеня замѣтилъ, что долги какъ-то начинаютъ собираться ту же и ту же; киргизъ становится хитрѣе: часто ловко увертывается отъ векселя, да и за кусокъ красной кожи, стоящій двугривенный, не даютъ уже быка. Ясно, лучше вести дѣло съ султаномъ, или вообще съ братомъ и сватомъ управителя: хотя барышъ и поменьше, да дѣло вѣрнѣе. Новому же туземному кулаку выгода прямо смотреть въ руки. Онъ не покупаетъ крупнаго скота, а начинаетъ задавать подъ те-

лять и барановъ. Операція эта состоитъ въ томъ, что покупается осенью теленокъ и ягненокъ, имѣющіе появиться на Божій свѣтъ въ предстоящую весну, т. е. продается то, чего у продавца еще нѣтъ, а только будетъ. Понятно, за ожидаемую скотинку цѣна становится отъ 50 к. до 1 р., но не выше. Если же, паче чаянія, скотинка почему либо не появится на свѣтъ, то султанъ откладываетъ полученіе до слѣдующей весны, но съ тѣмъ, что должникъ обязанъ будетъ отдать годовалаго теленка, а еще чрезъ годъ—двухгодоваго и т. д.)

Этотъ традиціонный обычай, имѣвшій мѣсто при патриархальномъ, пастушескомъ строѣ жизни, явился такимъ ретивымъ помощникомъ капитала, что кочевникъ не успѣлъ оглянуться, какъ уже оказался запроданнымъ на нѣсколько лѣтъ впередъ *). Однимъ словомъ, работа въ туземныхъ рукахъ оказалась еще чище: русскій кулакъ покупалъ наличное, а свой—наличное и будущее; отъ русскаго въ горькую минуту можно было и улизнуть, а отъ своего и въ водѣ не спрячешься; противъ русскаго можно было ложную присягу принять, а тутъ и этого нельзя; отъ русскаго суда защищала 1306 ст. X т. II т. изд. 1857 г., а отъ своего (да еще составленнаго изъ судей, подчиненныхъ тому же кулаку, или его брату) и этой защиты не оказалось. Короче сказать, киргизъ оказался въ положеніи зайца, попавшаго въ петлю. Въ результатѣ явилась небольшая кучка родоначальниковъ и вообще ловкихъ людей, успѣвшихъ стать посредниками между капиталомъ и населеніемъ, сгруппировавшихъ въ своихъ рукахъ все, что еще осталось въ степи, и—обездоленная масса завтрашнихъ кандидатовъ въ джатаки.

Кромѣ указанныхъ главныхъ причинъ обѣдненія массы кочевниковъ, были и второстепенныя, о которыхъ нельзя не упомянуть. Съ выступленіемъ на сцену торговаго рынка туземнаго кулака, стали появляться особые счастливицы, удачно

*) Мнѣ, впрочемъ, удалось слышать, что суды биевъ въ послѣднее время пришли къ убѣжденію въ негодности этого обычая при современномъ ихъ положеніи и понемногу перестаютъ имъ руководиться, хотя я крайне въ томъ сомнѣваюсь. Давт.

разбогатѣвшіе въ короткое время. Такіе любимцы фартуны, поднявшись изъ неизвѣстности, понятно, скоро почувствовали общую человѣческую склонность къ почестямъ. Они не могли по своему родовому положенію считаться съ какимъ нибудь потомкомъ знаменитаго Кайсары, хотя и разбогатѣли. Киргизъ стоекъ въ своихъ родовыхъ счетахъ и упрямо кланяется султану Казынганову, знатъ не хочетъ теперешняго богача и вчерашняго пастуха Масленикова. Начинается погоня за властію. Жезлъ управителя обращается въ „золотое руно“. Волости дѣлятся на роды, и каждый родъ стремится всѣми силами провести своего кандидата. Расходы считаются ты-

сячами, цѣлыя табуны идутъ въ Оренбургъ на устройство какого нибудь ловкаго пассажа по выборамъ. Въ этой вакханаліи богачи тратятъ деньги, нажитыя торговлею съ бѣдноты, а бѣдныя, традиціонные кандидаты, поддерживаются бѣднотою изъ послѣднихъ крохъ. А въ результатѣ: табуны шли и шли куда-то далеко, далеко; въ степи же оставались одни воспоминанія объ успѣшной или неуспѣшной выборной борьбѣ.

Было бы грѣхомъ не помѣстить въ списокъ бѣдъ, постигшихъ кочевника, и способовъ хозяйствованія войсковаго правленія запасными землями. Долина Иртыша служитъ пріютомъ въ тяжелые года для большей половины уѣзда. Между тѣмъ, пресловутое десятиверстное пространство сдѣлало эту долину недоступнымъ раемъ для киргиза, или же, по крайней мѣрѣ, доступнымъ за такую цѣну, что рай превращается въ адъ. Отдача въ аренду запасныхъ земель съ торговъ создала весьма выгодную афѣру для мѣстныхъ кулаковъ и отдала населеніе въ ихъ руки. Смѣло можно сказать, что каждый рубль дохода, полученнаго войсковымъ правленіемъ съ земель, стоитъ киргизу десять рублей. А между тѣмъ онъ вынужденъ держаться этого раззорительнаго рая: въ этомъ раю жилъ его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, да и дѣваться болѣе некуда! Пока остается хоть одна корова, онъ будетъ держаться своей зимовки у Иртыша!

Весь этотъ процессъ обездоленія массы происходилъ и происходитъ почти незамѣтно. Кочевникъ ужасно упрямое, терпѣливое животное, а главное—фаталистъ. Падаетъ у него половина табуна,—онъ шепчетъ первыя слова корана и спокойно кушаетъ дорѣзанную сдыхавшую скотину. Описываютъ другую половину,—онъ и тутъ повторяетъ слова Магомета и идетъ побираться у родни. Бѣднѣетъ родня, негдѣ покушать,—идетъ воровать, если молодой, или пасти стадо богатаго скотника, если старикъ. При этомъ постепенному переходу очень много помогаетъ сильно развитая у киргизовъ традиціонная солидарность и взаимная помощь. Богача-киргиза никогда не допустятъ родичи до окончательнаго экономическаго паденія, пока у нихъ есть что нибудь. Бѣдняки же помогаютъ другъ другу до послѣдняго и голодаютъ или являются десятками въ города уже вмѣстѣ. Эта симпатичная черта рѣзко бросается въ глаза всякому, кто присматривается къ жизни киргизовъ. Барана никогда не ѣстъ киргизъ съ своей семьей: онъ садится за столъ чуть не съ половиною аула. Въ чашкѣ кумыса или айрана не вправѣ отказать имущій бѣдняку, пока у него есть чашка того или другаго; скорѣе свои женщины останутся не доѣвши, а гости киргизъ покормитъ непременно. Бѣднякъ-киргизъ беретъ изъ табуна богатаго родича молодую лошадь безъ спроса, только обязанъ привести ее осенью обратно въ табунъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, даетъ возможность киргизу ос-

бенно упруго поддаваться экономическим невгодамъ, и онъ тогда только бросаетъ свой любимый образъ жизни, когда уже голодная смерть прямо глядитъ ему въ глаза. Повторяю,—эта социальная особенность киргизскаго быта и естественная привязанность кочевника къ пастушеской жизни скрываютъ наклонное движеніе экономической его жизни, и только при массовыхъ кризисахъ можетъ обнаружиться рельефно то положеніе, какое подготовлялось годами.

III.

КИРГИЗСКОЕ ОБЪДНЕНИЕ.

(Окончаніе).

Въ добавленіе къ предшествовавшимъ статьямъ мы должны сказать, что результаты экономического паденія пока отразились еще только на единичныхъ личностяхъ и небольшихъ группахъ, но, безъ сомнѣнія, экономическіе кризисы, повторяясь, будутъ захватывать въ свой кругъ все большее и большее количество жертвъ. Предполагать же возможность поворота къ лучшему нельзя. Во-первыхъ, нѣтъ основаній рассчитывать на измѣненіе условій, вліявшихъ до сихъ поръ неблагопріятно на благосостояніе кочевника. Чума, надо полагать, не поспѣшитъ же, изъ чувства деликатности, уйдти изъ края, гдѣ ее такъ гостепріимно принимаютъ; климатъ же, если и измѣняется,—то въ очень продолжительные періоды, а нельзя предполагать, чтобы онъ измѣнилъ своему правилу ради киргизскихъ невзгодъ; а елабужецъ и родной кулакъ такъ вошли въ свою роль, что и не замѣчаютъ своего положенія, которое можно сравнить съ положеніемъ цыгана, рубившаго тотъ сукъ, на которомъ сидѣлъ; да къ тому же и правила торговли не знаютъ никакихъ нравственныхъ и гуманныхъ законовъ, кромѣ „дешевле купить—дороже продать“. Во-вторыхъ, кромѣ частныхъ причинъ, и въ силу общаго закона человѣческаго прогресса кочевникъ долженъ уступить земледѣльцу, или самъ перейти отъ пастушеской бездѣльной жизни къ земледѣльческому труду.

Неизбѣжность этого перехода излишне доказывать. Моя цѣль—доказать, что уже появляются признаки, изъ общей совокупности которыхъ можно вывести заключеніе о близости того времени, когда кочевнику, въ силу необходимости, придется взяться за соху. Конечно, нельзя предполагать, чтобы киргизъ сдѣлалъ этотъ переходъ въ силу убѣжденія въ его неизбѣжности; только рядъ гибельныхъ для него экономическихъ кризисовъ можетъ принудить его обратиться къ земледѣльческому труду.

Понятно, при этомъ переходѣ потребуются содѣйствіе и опека правительства, почему и весьма важно не упустить момента для начала работъ: лучше помогать краю, обладающему кое-какими экономическими силами, чѣмъ пришедшему въ раззореніе. На сколько своевременно принятіе мѣръ по облегченію кочевнику перехода къ новой жизни, я не считаю себя компетентнымъ рѣшать; но на сколько кочевникъ въ продовольственномъ отношеніи обезпеченъ, нелишне упомянуть.

Въ прошломъ году, весною, какъ я писалъ въ началѣ статьи, по распоряженію г. семипалатинскаго губернатора, было отпущено въ степь 6.000,000 пудовъ муки. Допустимъ, что такая же помощь или еще большая окажется необходимою и въ слѣдующую весну; предположеніе очень грустное, но возможное. Между тѣмъ, нужно сознаться, мы, совершенно

не подготовлены къ такой непріятной неожиданности.

Земледѣліе въ уѣздѣ почти не существуетъ. Казаки за-сѣвають хлѣбомъ столько, что при самомъ лучшемъ урожаѣ едва сами могутъ пропитаться. Запасы въ общественныхъ казачьихъ магазинахъ представляютъ относительно всего населенія уѣзда слишкомъ микроскопическую цифру, чтобы о ней говорить. Киргизскій продовольственный запасъ состоитъ въ капиталѣ, находящемся въ распоряженіи областного правленія. Торговцевъ крупныхъ, закупающихъ большое количество хлѣба, въ уѣздѣ нѣтъ, доказательствомъ чему можетъ служить примѣръ прошлаго года: въ минуту надобности для администраціи хлѣба, въ Павлодарѣ оказалось всего запаса 10,000 пудовъ; въ третьемъ же году былъ случай въ этомъ отношеніи очень нравоучительный! Цѣна на муку, за неподвозомъ, въ нѣсколько дней поднялась съ 1 р. 20 к. до 3 р., потребовалась доставка на почтовыхъ тройкахъ, затѣмъ цѣна также быстро пала.

При неимѣніи въ уѣздѣ хлѣбныхъ запасовъ, весьма важно правильное сообщеніе съ мѣстностями изобилующими хлѣбомъ; но и въ этомъ отношеніи мы находимся въ незавидномъ положеніи.

Тракты, связывающіе Павлодаръ съ волостями Томской губерніи, снабжающими степь хлѣбомъ, на столько трудно-проходимы зимою, что крестьяне часто и не рискуютъ отправляться въ этотъ путь, особенно въ снѣжныя и безсѣнныя зимы *). Однимъ словомъ, мы живемъ черезчуръ уже по словамъ Господнимъ „не пецѣтесь о завтрашнемъ днѣ...“. При невозможности опредѣлить даже приблизительно количество хлѣба, какое можетъ оказаться нужнымъ для пропитанія населенія, въ случаѣ несчастія въ степи, а тѣмъ болѣе предусмотрѣть эти случаи, мы можемъ оказаться въ положеніи людей, выброшенныхъ на необитаемый островъ; по крайней мѣрѣ, временно, до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ экстренная помощь изъ Томской губерніи, причемъ, понятно, потребуется уже и экстренное вмѣшательство правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расходы, связанные съ экстренностью. При этомъ не мѣшаетъ имѣть въ виду и случаи, не предвидѣнные, даже при условіи экстренности.

*) Эти тракты описаны мною ранѣе въ „Сиб. Газ.“, 1884 г., № 42.

А на основаніи всего вышеизложеннаго, по моему мнѣнію, слѣдовало бы:

1) Продовольственный киргизскій капиталъ употребить на устройство запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, изъ которыхъ производить продажу хлѣба, съ прибавкою расходовъ по операціи покупки и продажи.

2) Озаботиться приведеніемъ трактовъ, связывающихъ уѣздъ съ волостями Томской губерніи, въ такое состояніе, чтобы они были проходимы безъ риска для жизни крестьянъ.

нина въ зимнее время.

3) Приступить къ устройству возможнаго санитарно-полицейскаго надзора надъ торговлею кожами, и принять мѣры къ ограниченію распространенія заразы, хоть въ той степени, чтобы нѣкоторые богатые кулаки не раздавали тушъ пропавшаго отъ болѣзни скота бѣднымъ киргизамъ подъ поставку сѣна.

4) Согласовать интересы войсковаго хозяйственнаго правленія съ интересами населенія, а не кулаковъ.

5) Дачу впередъ денегъ подъ скотъ, еще не родившійся, какъ форму кабалы, признать внѣ покровительства закона.

6) Приступить къ организованію правильной системы помощи тѣмъ киргизамъ, которые пожелаютъ заниматься земледѣліемъ.

7) Безполезные киргизскіе интернаты обратить въ сельскохозяйственныя школы, съ опытными изъ нихъ земледѣльческими фермами.

III.

Мѣры, предлагаемыя авторомъ, весьма полезны и оспаривать ихъ никто не будетъ, но, кажется, онъ мало обратилъ вниманіе на необходимость покровительства существующему занятію киргизовъ скотоводствомъ и спасенію послѣдняго отъ гибели. Что касается обращенія киргизовъ къ земледѣлію, то это вещь крайне сомнительная: подобные переходы совершаются не вдругъ и искусственное побужденіе здѣсь ведетъ къ ряду фальшивыхъ мѣръ и предубѣжденію. Надежда на созданіе агрономическихъ фермъ въ степяхъ, когда ихъ нѣтъ даже для русскаго крестьянства, кажется скорѣе мечтою и можетъ дать при мѣстныхъ порядкахъ тѣ же неудачи, какія дали интернаты. Кто заведетъ эти фермы, кто будетъ ими руководить? Наконецъ, наивно думать, что сюда потечетъ кочевое населеніе. Насильно же брать въ эти фермы, какъ брали доселѣ въ интернаты, будетъ мѣрою, которая только возбудитъ страхъ и опасеніе киргизовъ. Не лучше ли подумать о томъ, чтобы, въ ожиданіи будущаго журавля земледѣлія, окончательно не разрушать существующаго хозяйства бѣдняка—киргиза.

МЕДИЦИНА ВЪ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ.

(Изъ письма въ редакцію.)

У Киргизовъ есть два рода врачей, — одинъ такъ-называемый *«Дингеръ»* или, какъ его именуютъ Татары, — *Тобанъ*. Это личность, которая по преимуществу пользуется травами и кореньями, вѣруя, что противъ каждой болѣзни есть на свѣтѣ своя трава или корень; по своему умственному развитію эти врачи стоятъ много выше другихъ своихъ собратій по занятіямъ. Эти другіе называются *Баксы*; они лѣчатъ, подобно шаманамъ, заговорами, нашептываніемъ, изгнаніемъ злыхъ духовъ, которымъ они приписываютъ происхожденіе всѣхъ болѣзней. Баксы носятъ фантастическое платье, состоящее изъ всевозможныхъ лохмотьевъ, подобранныхъ такъ, чтобы общій видъ платья сильнѣе дѣйствовалъ на воображеніе больныхъ и вообще народа. Лицо Бакса всегда сурово, глаза сверкаютъ дико. Эти врачи вооружены музыкальнымъ инструментомъ, называемымъ Киргизами — *кабызъ*. Посредствомъ дикихъ, пронзительныхъ звуковъ этого инструмента Баксы, при лѣченіи больныхъ, какъ бы входятъ въ предварительное сношеніе съ духами, предлагая имъ такъ сказать «честью» оставить свою жертву, и если тѣ остаются непреклонными, тогда начинается уже самое лѣченіе, насильственное изгнаніе духовъ изъ больнаго, о чемъ мы скажемъ ниже. Кромѣ этихъ двухъ видовъ врачей встрѣчаются въ степи нерѣдко Татары, именующіе себя муллами и претвдующіе на знаніе астрологіи и кабалистики; они предсказываютъ погоду, опредѣляютъ планеты, подъ которыми кто родился, читаютъ надъ больными молитвы и заклинанія, во время которыхъ дуютъ и плюютъ больнымъ въ глаза и во всѣ отверстія и снабжаютъ легковѣрныхъ талисманами отъ разныхъ бѣдъ и напастей.

Господствующія мнѣнія у Киргизовъ о происхожденіи болѣзней сводятся къ вліянію злыхъ духовъ или шайтановъ, отъ того *мулламъ и баксамъ* какъ врачамъ представляется широкое поле дѣйствія между ихъ легковѣрными паціентами. Мнѣ недавно встрѣтился одинъ больной, одержимый брюшною водянкой вслѣдствіе страданія печени, и на мои разспросы съ полнымъ убѣжденіемъ разсказалъ, что у него тутъ, указывая на животъ, головы двухъ шайтановъ. «Когда шайтаны въ ладахъ и живутъ смирно, мнѣ хорошо и спокойно; но вотъ бѣда—когда они начинаютъ спорить и драться,—тогда мнѣ дѣлается очень трудно, даже рветъ меня желчью. Баксы, сколько ни старались, не могли оттуда выгнать шайтановъ! До сихъ

поръ я ношу зашитый въ платѣ моему талисманъ, который дали мнѣ Баксы, а все толку нѣтъ; шайтаны нейдутъ изъ меня.» Мои попытки объяснить больному, что у него въ животѣ нѣтъ никакихъ шайтановъ, остались конечно безуспѣшными. Добрый и довѣрчивый Киргизъ оказался на этотъ разъ скептикомъ и съ упрекомъ посмотрѣлъ на меня какъ на челоѣка, желающаго чѣмъ-нибудь отъ него поживиться. Много нужно труда и терпѣнія, чтобы вывести Киргизовъ изъ ихъ полудикаго состоянія, освободить ихъ отъ шайтановъ и шарлатановъ!

Несмотря на то, что климатъ въ степи умеренный и по временамъ только тягостенъ вслѣдствіе пронзительныхъ вѣтровъ, называемыхъ здѣсь бурунами, несмотря на то, что Киргизъ весьма ограниченъ въ своихъ желаніяхъ,—ему нужны только баранина, молоко и кумысъ,—Киргизы удручаются множествомъ болѣзней самыхъ разнообразныхъ. Главныя болѣзнетворныя причины у нихъ простуда, неопрятность, дымъ въ юртахъ и обжорство; прибавьте къ этому заразительныя болѣзни — сифилисъ, чесотку, оспу, скарлатину, и вы будете имѣть нѣкоторое представленіе о томъ, что терпитъ это племя. Въ степи не рѣдки и перемежающіяся лихорадки, тифозныя горячки, ревматизмъ, воспаленія внутреннихъ органовъ и глазныя болѣзни отъ дыма юртъ. Весь этотъ комплексъ болѣзней со всевозможными осложненіями можно наблюдать у Киргизовъ во множествѣ, и челоѣку, долго потолкавшемуся между ними, становится

яснымъ до какой степени безпомощность этого племени въ борьбѣ съ болѣзнями ведетъ къ постепенному вырожденію крѣпкихъ прежде Киргизовъ.

Лѣченіе болѣзней при всемъ его разнообразіи сводится къ тѣмъ приемамъ, о которыхъ мы сказали выше. Перемежающуюся лихорадку большею частію лѣчатъ симпатическими средствами;—начертавъ красною краскою какіе-то гіероглифы на лошадиномъ черепѣ, Баксы бросаютъ его на распутии или совѣтуютъ больному, поймавъ змѣю и взявъ ее руками за хвостъ и голову, перегрысть пополамъ и части змѣи бросить въ противоположныя стороны. Мы знаемъ не мало примѣровъ выполненія и этого совѣта. Существуетъ между Киргизами и еще способъ лѣченія лихорадки. Онъ состоитъ въ томъ, что врачующій подкрадывается не замѣтно къ больному и изъ всей силы ударяетъ его ременной нагайкой, съ цѣлію спугнуть шайтана. Ударъ сопровождается дикимъ гиканьемъ. *)

Въ простудныхъ болѣзняхъ и горячкахъ завертываютъ больного въ парную шкуру только-что убитого животнаго; бьютъ больного по тѣлу прутьями, быстро погружаютъ въ котелъ съ горячей водой, съ нѣкоторыми впрочемъ предосторожностями отъ ожоги и поятъ въ обильномъ количествѣ взваромъ лошадинаго мяса.

Грудныя болѣзни у Киргизовъ лѣчатся обильнымъ питьемъ отвара корней дикой розы съ медомъ или масломъ. Въ чесоткѣ употребляется мыло мѣстной фабрикаціи, а также обмываніе тѣла солеными водами. Для очищенія желудка больные употребляютъ сухія ягоды, называемыя здѣсь «аромъ.»

Вообще Киргизы отъ природы крѣпки и, подвергаясь съ колыбели всѣмъ атмосфернымъ переменамъ, въ болѣзни терпѣливы и стойчески переносятъ всякія лишенія; а терпѣніе ихъ женщинъ можно назвать безпримѣрнымъ; такъ наприм. въ юрту, гдѣ женщина мучается родами, стекаются десятками Киргизы для помощи. Баксы, сядя по срединѣ юрты, начинаютъ кричать дикимъ голосомъ и бѣснуются, выдѣлывая различныя тѣлодвиженія и издавая пронзительные

*) Намъ извѣстно, что этотъ способъ лѣченія перемежающейся лихорадки практиковался и въ Оренбургскихъ степяхъ и составлялъ долго секретъ одного оренбургскаго казака. Этотъ секретный способъ былъ даже примѣненъ имъ къ одному высокопоставленному лицу, долго страдавшему лихорадкой; говорятъ, что результатъ былъ хорошій...

крики въ присутствіи роженицы; этимъ они надѣются изгнать шайтана или злаго духа, мѣшающаго, по ихъ мнѣнію, женщинѣ разрѣшиться отъ бремени. Если эта надежда ихъ не оправдывается, то они бьютъ плетью по юртѣ какъ снаружи, такъ и снутри, сопровождая каждый ударъ пропзительными дикими криками. При этомъ сильно достается и роженицѣ, которая прикрывается во время родовъ войлокомъ, непременно чернымъ; удары плетью сыплются и на войлокъ, прикрывающій роженицу; ибо подъ нимъ-то шайтанъ и прячется. При такихъ-то условіяхъ и должна несчастная разрѣшиться отъ бремени или умереть.

Не менѣе жестокъ и другой обычай Киргизовъ, касающійся болѣе мужчинъ. Отправляясь на промыслъ, называемый *баранта*, промышленники оставляютъ заболѣвшаго между ними среди голой степи и бросаютъ его безпомощнымъ. Все участіе товарищей къ больному ограничивается тѣмъ, что они оставляютъ ему нѣсколько пищи и въ изнемогшую руку его вкладываютъ какое-нибудь оружіе для защиты отъ могущихъ встрѣтиться враговъ. При такихъ условіяхъ естественно смерть не замедлитъ прекратить страданія несчастнаго. Но и эти удары судьбы Киргизы переносятъ съ замѣчательнымъ терпѣніемъ.

Есть только одно зло, котораго трепещутъ Киргизы и передъ которымъ, по ихъ мнѣнію, бесполезны всѣ человѣческія усилія, и даже знанія дингера, баксы и другихъ мудрецовъ; зло это — *оспа*. Бóльшаго несчастія — какъ заболѣть оспой — Киргизы не знаютъ. При первомъ появленіи этой болѣзни они бѣгутъ изъ своихъ ауловъ, оставляя заболѣвшихъ на произволъ судьбы. Бесильные противъ оспы, до очевидности даже для Киргизовъ, ихъ врачи укрѣпили между своими паціентами мнѣніе, что это есть казнь Божія, съ которой и бороться нельзя, такъ какъ она посылается прямо въ наказаніе отъ Бога. Результатомъ этого ученія вышло то, что прививаніе предохранительной оспы между Киргизами еще болѣе затруднительно, чѣмъ у другихъ инородцевъ, гдѣ приходится побѣждать только трудности введенія этой предохранительной мѣры, зависящія отъ кочеваго быта племени. Между тѣмъ натуральная оспа чаще и чаще стала посѣщать нашу степь, и нѣтъ счета погибающихъ отъ этого зла, которому наука и человѣколюбіе давно указали границы.

Ил. Лосевъ.